

Светлана Коч

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ (на материалах исследования Бессарабии)

Abstract

The article focuses on the idea that interaction between the space as an object and the space as a subject of regional relations that has a dialectical relationship, which is formed by the process of structuring a regional system determining the logic of conversion of the inside conditions (geopolitics, history, economy) into the models of perception and activity that are realized on the levels of group and individual practices.

The analysis of the process of conversion of the borderland into the historical and political reality – the object of relations – has been made on the example of the Bessarabia region. The article demonstrates the working model of the borderland space. The base of its current development are algorithms of behavior set down by the social structure and communication links that have been historically formed in the region. Communication environment as a factor of programming of social relations has been considered on the example of ethno-cultural groups of the region.

Keywords: subject, object, borderland, regional system, social structure, communicational environment.

Социальные функции границы и Пограничья в силу природы самого пространства и особенностей социально-культурной среды вызывают исследовательский интерес, который продиктован, с одной стороны, желанием выявить устойчивый алгоритм в процессе формирования и жизнедеятельности подобных пространств, с другой – потребностями различных «центров» в создании адекватной системы управления и контроля. Пространство Пограничья – конструированная социальная реальность, в которой символы «присут-

ствия» и у власти («центра»), и у локальных групп («периферии») формируют иконографию как в виде самоотжественных знаков, так и в форме презентации желаемых смыслообразующих образов, которые призваны демонстрировать социальную дееспособность субъекта в регионе. Эти презентационные образы выполняют функции маркировки, «резервирования» части социального пространства за субъектом отношений. Конструируемые «символические системы» выполняют социальную и политическую функцию легитимации в рамках существующих «иерархий» отношений «центр – периферия» модерна и в границах «сетей» в виде транснациональных систем постмодерна.

Тем не менее само Пограничье обладает потенциалом субъекта отношений как в системе отношений «центр – периферия», так и в системе социальных транснациональных сетевых структур современного глобализованного мира. Особенно это касается устойчивых пограничных локальных систем с ярко выраженными характеристиками политической и культурной периферийности. Действующая система пограничного пространства имеет в основе устоявшийся алгоритм поведения, который воссоздается участниками – действующими субъектами локального пространства в формах, адаптированных к собственным культурам.

Рассмотрим в качестве объекта анализа историческую область юго-восточной Европы – Бессарабию, территорию Причерноморья между реками Дунай, Днестр, Прут – юго-западную часть Украины и восточную часть Молдавии. Предметом исследования стали особенности организации объектно-субъектных отношений между этнокультурными группами Пограничья, системой региональной социально-политической организации и сетевыми транснациональными социокультурными системами.

Бессарабия как региональная система: геополитические статусы и практики

Особенностью региона стало его систематическое «пограничное» состояние: между цивилизациями, хозяйственно-культурными центрами, экономическими зонами, информационными и геополитическими пространствами. Как активная геополитическая зона междуречья низовьев Днестра, Прута и Дуная Бессарабия вместе с Таврией и Крымом составляют часть «береговой зоны» – зоны жизненных интересов отдельных государств. Это классический лимитроф – пограничье, район, чья многополярность и маргинальность предопределена географией (Коч, Узун, 2012).

Исторически это пространство формировалось длительно, и на протяжении всего времени здесь сохранялись характерная неустойчивость политического влияния, отсутствие стабильной культурной основы, анклавность расселения народов, которые в силу исторических условий проживали в регионе. Известно,

что частые переходы между средами и пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами ведут к тому, что «граница» с точки зрения отношений центра и периферии ситуативно выступает то как «точка» или «линия», то как «район» или «зона», порождая структурную многомерность и вариативность значений (Эйзенштадт, 2001).

Территория Бессарабии в период античности была пограничной между землями дако-фракийских племен и степями кочевников – скифов, затем сарматов. С древнейших времен это проходной коридор, последовательно занимаемый рядом народностей, которые продвигались из степей Юго-Восточной Европы в Среднюю Европу и на Балканы.

Этот регион носил различные названия. Древние греки именовали его Малой Скифией, римляне – просто Скифией, Страбон – Гетовой пустыней, Птолемей – Нижней Мизией, греки – Задунайской Фракией. После завоевания этих земель римским императором Траяном в I в. они стали именоваться Дакией или Траяновой областью, в III в. готы называли эту территорию Визиготией, гунны – Гунниваром или Царственным наметом, болгары – Внешней Болгарией, в IX в. печенегы – Фегер Варом и т.д.

Здесь пролегли рубежи евразийских империй и государств: Древней Эллады, Римской империи, Византии, Болгарского царства, Киевской Руси, Литвы, Золотой Орды, Гenuи, Молдавского и Валашского княжеств, Османской и Российской империй, Советского Союза и Румынии, современной Украины.

При этом Бессарабия – единственный из регионов юга Украины, где географический ареал практически совпадает с историческим регионом. Это пространство стало объектом социально-политического и политико-экономического воздействия разных центров, что предопределило его естественную эксцентричность, ориентацию на культурно-политическую вариативность.

Обычно регионы Пограничья обладают способностью сохранять специфику независимо от изменения политического центра и даже обладают способностью ситуативного «выбора» центра. Сложившаяся многомерность культурной основы и «практики присутствия» в Бессарабии обусловили формирование структурной модели и поведенческой схемы в регионе, которые позволяют ему, несмотря на систематическую разделенность и децентрализацию, сохранять «лицо».

Уже наиболее ранние сведения об этих землях содержат характеристику, типичную для территорий легко проницаемых и транзитных. Геродот в V в. до н. э. писал в «Истории», что «река Истр начинается в стране кельтов... и течет, пересекая Европу посередине...». Степь за Дунаем греки в I тыс. до н. э. называли «страной чудес». Эта территория, являясь тем, что на средневековых западноевропейских картах обозначалось как «Loca Deserta», «Loca desolata» – пустой землей, постепенно превращается в устойчивую «спорную» для приграничных государств территорию: «недоосвоенную», а значит, свободную для заселения;

национально и культурно «маргинальную» – далекую от центров политического влияния.

На картах XVII в. польского инженера Гильома Боплана междуречье Днестра и Прута обозначено как «пустая», незаселенная территория – Пограничье, в пределах которого требовалось строительство оборонительных и межевых сооружений. Видимыми признаками этой рубежной земли остаются сохранившиеся остатки «Змиевых» и «Траяновых» валов. В справочном сборнике 1903 г. отмечается, что валы Южной Бессарабии составляют как бы один обширный редут, заключающий в себе «целый край» (Бессарабия, 1903). Многие современные города в регионе начинали свою историю как оборонительные фортификационные сооружения – крепости: Белгород-Днестровск (Аккерман), Измаил (Смил), Бендеры (Тягин), Килия (Ахиллия), Саврань и др.

Практически все крепости Бессарабии выполняли функции транзитных центров уже в античный период. Развивалась посредническая торговля между античным и варварским миром Причерноморья. Большинство транзитных операций в этот период осуществлялось водным путем, так как наличие значительной массы гето-дакийского и кочевого сарматского населения делало сухопутные пути опасными. Во II–III вв. н. э. Рим, периферией которого были земли Бессарабии, активно представлял протекцию местным купцам – давал право беспопытной торговли. Позже через дельту Дуная и остров Змеиный стала пролегать значительная часть торгового пути X–XIII вв. «Из варяг в греки». Роль контактных зон выполняют греческие и гетуэские колонии, позже – турецкие крепости. Они связывают Средиземноморье и страны Центральной и Западной Европы. В XVII в. сложился торговый путь через Крит – Константинополь – Килию – Сучаву – Каменец – Львов. Килия, Измаил, Аккерман превращаются в транзитные торговые пункты с соответствующей этносоциальной структурой населения.

Современное развитие региона всеми субъектами региональной политики представляется как потенциально перспективное. Существует значительное количество проектов, цель которых – использование транзитного ресурса и интеграция региона в одну из глобальных региональных систем. Через Бессарабию проходят четыре международных транспортных коридора. Два из них – «Из варяг в греки» (№ 9) и возрожденный «Шелковый путь» (ТРАСЕКА) – официально признаны международными организациями как естественные транзитные мосты. Значительный транзитный потенциал региона сосредоточен в треугольнике Рени (Украина) – Галац (Румыния) – Джурджулешты (Молдова). При этом каждое государство владеет своим «ключом» к региону: Украина контролирует порт, Румыния – канал Дунай – Черное Море, Молдова – железнодорожные подьезды.

Перспективным стало сотрудничество в рамках Еврорегиона «Нижний Дунай». Этот проект задействовал весь историко-культурный регион Бесса-

рабии, так как направлен на регулирование трансграничного сотрудничества между Украиной, Румынией и Молдовой. Как юридическое лицо Ассоциация трансграничного сотрудничества Еврорегион «Нижний Дунай» имеет возможность привлекать к финансированию стратегических инфраструктурных проектов средства Европейского Союза. Эти и другие перспективы не избавили Бессарабию от состояния экономической депрессии, в котором она оказалась на рубеже XX–XXI вв. Этот факт в сочетании с геополитической сейсмичностью традиционно подчеркивает политическую нестабильность и периферийность региона относительно всех возможных экономических инвестиций.

Социально-экономический кризис трансформирует пространство Бессарабии в «остров», лишая ее достоинств транзитной системы и возможностей геополитического «коридора». Так «островной» статус украинской части Бессарабии сегодня обретает реальность. Бессарабия зависима во всех жизненных ресурсах (газ, питьевая вода, электричество, дороги). Регион соединен с «материком» двумя трассами: одна из них, ведущая через села Маяки и Паланка, имеет участок в 6,5 км, проходящий по территории Молдовы, что делает проезд по ней условно свободным; другая – автомобильно-железная дорога Каролино-Бугаз – Затока, проходящая через мост над устьем Днестра, стратегически уязвима.

Современные бессарабские политические элиты традиционно стремятся преподнести Бессарабию в качестве «связующего звена» между двумя геополитическими пространствами. Так, украинский политик Иван Плачков заявляет: «Придунайская Бессарабия в силу своего географического положения, без сомнения, является “солнечным сплетением” геополитической и геоэкономической оси Евросоюз – Украина – Россия» (Плачков, 2012). Такой подход остается актуальным.

Традиционно рассматривая «дикое поле» как геополитический ресурс, власти приграничных государств не только лояльно относились к процессу стихийной колонизации региона, но и активно участвовали в конструировании этого пространства. Об этом свидетельствуют проекты развития данной территории как в среде новопоселенцев, так и в среде соседних государств. Особое место среди подобных идей занимал проект XVIII в. создания «Новой Византии» эпохи фанариотов на землях Валахии, Молдавии и Бессарабии, который был поддержан «Греческим проектом» Екатерины II, заключающийся в создании греческой империи под скипетром русской короны (Маркова, 1958). Имели место также проект земледельческой колонизации Сибири и Бессарабии, предложенный А.О. Корниловичем (Оганян, 1985: 67), проект «Великой Румынии», зародившийся на гребне антитурецких и антифанариотских настроений и первоначально имевший целью достижение национальной независимости. Объединение всех «румынских исторических провинций» в составе унитарного румынского государства становится задачей Первой мировой войны (Узун, 2013: 51). Современный его вариант предполагает воссоздание Великой Румынии в

границах до 1940 г. (Мультимедийное информационное агентство OMEGA, 25 января 2014 г). Проект «Великая Молдова», как антирумынский, ориентирован на восстановление границ средневекового Молдавского княжества (Фундамент, 2008). «Бессарабский вопрос» всегда возникал как элемент в решении «Балканской проблемы» (Бессарабия, 1996). По большому счету сама Бессарабия часто рассматривается как часть балканского мира, которому свойственны глубокая периферийность и проблемная идентичность (Карастоянов, 2002). Современная актуализация происходит через создание общественных организаций и партий «Наша Бессарабия», «Наш Край» (Украина), «Гражданская платформа Aştiunea-2012» (Румыния), «Патриоты Молдовы» (Молдова).

Бессарабия как узел пересечений интересов соседних держав остается значимым геополитическим ресурсом для Румынии, Молдовы, России и Турции. Каждая из стран в качестве объекта своего влияния и присутствия использует население региона. Тогда как турецкое присутствие в регионе реализуется через систематическую помощь этнически родственному народу – гагаузам и гагаузской автономии в Молдове (Народное собрание Гагаузии, 21 сентября 2013), Россия и Румыния рассматривают в качестве объекта интереса весь регион.

Если геополитические условия порождают и организуют региональные практики, то схемы восприятия отношений «центр – периферия» преобразуют внешние условия в модели действия, осуществляемые на уровне групповых и индивидуальных практик. Остановимся на процессе объективирования региона, т.е. процессе превращения его в историческую и политическую реальность – объект отношений. Осознание и «признание» границы обычно происходит одновременно с формированием «образа пространства», пределом которого она выступает. Образ пространства, зафиксированный в исторической практике, реализуемый в политике, транслируемый в памяти социально-культурных групп и поколений, – объективированный, т.е. существует объективно и способен как ограничивать и подавлять, так и создавать возможности для осуществления специальных практик. «Иконография региона» как система символов, образов, публичных действий, по мнению Жана Готтмана, демонстрирует групповую солидарность и создает «границу локальности» (Gottmann, 1952: 512–519).

Понятно, что объективирование пространства региона происходит благодаря ряду условий: геополитических, исторических, политико-правовых, социально-культурных, а закрепление предполагает практику политико-правовой фиксации в сочетании с формированием устойчивой системы региональной идентичности среди населения региона.

Активность и дееспособность региональной системы в значительной степени обусловлены ее политической субъектностью на протяжении длительного исторического периода. Начиная с XVII в. названия Бессарабия, Буджак встречаются в международных договорах и документах, картах Молдавии, Валахии, Польши, Османской империи, Крымского ханства, Венеции, России и др. (Мустафа, 1986;

Jorga, 1899: 220; Сосса, 2007: 76–77), используются в административном делении Османской и Российской империй, упоминаются в исторических описаниях, демонстрируя значительный уровень фактической автономности и региональной дееспособности (Шевалье, 1993; Челеби, 1961).

Удаленность от центров политической власти обусловила в XV–XVII вв. значительную привлекательность региона для беглецов от социального давления и абсолютизма как с запада – из Дунайских княжеств, так и с северо-востока – из России и Польши (Джерела, 2013; Паламарчук, 2005). Однако уже в XVIII в. Бессарабия фактически была разделена на молдавскую, турецкую и ногайскую зоны управления. Уезды Кишиневский, Оргеевский, Белецкий и Сорокский составляли Запрутскую Молдавию. Хотинский уезд – райи с крепостями Хотинном, Бендерами, Аккерманом, Килиею, Измаилом и их предместьями зависели от Турции. Бендерский и Аккерманский уезды, под названием «Буджак», принадлежали татарам.

Тем не менее именно в этот период начинает складываться сегментарная этносоциальная структура, ставшая типичной для этого региона в последующие исторические периоды. Так, во время Османской империи складывается социальная структура региона с ярко выраженными «горизонтальными» этническими системами. Формируется принцип «этносоциального сегментирования», согласно которому границы этнических и конфессиональных групп значительно совпадают с социальными. В период русско-турецких войн с 1711 по 1812 г. Бессарабия пять (!) раз занималась российскими войсками. Это вело к постепенной деструктуризации этноконфессионального состава населения и всей социально-культурной среды. Вслед за выселением ногайцев началось заселение территории христианами-земледельцами: молдаванами, потомками казаков, болгарами, сербами, албанцами, греками, армянами, немцами и др.

Благодаря «особому» статусу региона в так называемый «период иллюзий» оформился каркас ментального образа, который впоследствии привел к формированию устойчивого социально-культурного и политического имиджа региона. Сложился механизм репрезентации и интерпретации историко-географических образов заселяемого пространства, так называемая «география представлений» (Замятин, 1998; 2004).

Так, после 1812 г. в крае пропагандируется идея широкой автономии. Александр I указом от 23 июля 1812 г. объявил, что «жителям Бессарабской области предоставляются их законы», право широкого самоуправления в рамках российских законов, а также устанавливалась структура власти на этой территории. С 1813 по 1816 г. действуют «Правила временного правления Бессарабией», автором которых стал глава администрации Бессарабии Иоанн Каподистрия, будущий министр иностранных дел России и первый президент независимой Греции. И. Каподистрия подчеркивал: «Речь идет о том, чтобы на деле показать, что при сохранении за краем его отличительного и национального характера,

можно добиться того, чтобы сделать его полезным для Империи в отношении финансов, населения, торговли и политики» (И.А. Каподистрия – А.Н. Бахметьеву 04.06.1816, 1957). До 1825 г. правовая обособленность региона поддерживается законами, которые сохранились с эпохи фанариотского правления. Судьи пользовались шестикнижием Гарменопула, в качестве субсидиарного права действовали базилики и новеллы Юстиниана и Льва Мудрого (Местные законы, 1904). По указу сената переведенные «Руководство Гарменопула», «Соборная грамота князя Маврокордато» и «Краткое собрание законов Андроники Дониа» применялись в судопроизводстве до конца XIX в. (Тесля, 2005). Имперская система нуждалась в поддержке региональной элиты и в ситуации острой нехватки кадров признавала местные правовые традиции, ссылаясь на уважение обычаев и нравов народов империи. Помимо привлечения к сотрудничеству аристократии целью административного эксперимента являлась победа в борьбе за лояльность политических элит Молдавии и Валахии, находившихся под контролем Порты и Габсбургской империи. Командующий Дунайской армией Павел Чичагов, определяя политические задачи, писал: «Здесь ничего не следует делать, ничего устраивать, чего не требуют местные нужды, и что не согласно с местными средствами... надобно... искусным образом обратить на область сию внимание пограничных народов» (Чичагов П.В. – Александру I 6-го августа 1812, 1871: 28–29.).

Последующие процессы заселения территории проходили через процесс колонизации – хозяйственное «присвоение» пространства, через насаждение земледелия, посредством привлечения иностранцев в «пограничные города», о чем говорится в императорском Манифесте от 22 июля 1763 г. (Манифест от 22 июля 1763 г., 1830: 313–316). То есть стратегия освоения новых территорий изначально предполагала учет их специфики и ситуации. Социальная инфраструктура нового региона формировалась исходя из особенностей нового пространства. Так, управление в регионе строилось через Канцелярию опекунов иностранных поселенцев, которая функционально приравнивалась к государственным коллегиям. Непосредственно новопоселенцами занималась Бессарабская контора, образованная в 1816 г. в составе Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южного края России. «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев» (1795) утвердило привилегии переселенцам в Одессе.

Устройство замкнутой административной системы в Бессарабской области было продиктовано как протекционистской политикой государства, так и планами относительно расширения геополитического влияния на Балканский регион. Законодательное закрепление эта политика получила в Уставе образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г. (Устав, 1830), Указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г. и Уставе о колониях иностранцев в Империи 1832, 1842 и 1857 гг. (Устав, 1857). В отношении региона утвердилась, по

словам Виктора Таки, «логика “наместничества”», подразумевавшая апелляцию к самоценной «памяти» региона (Таки, 2004). Особый интерес с точки зрения исторической памяти представляет положение Устава о правах и преимуществах жителей, которые в значительной степени консервировали историческую социальную структуру региона, к тому времени претерпевшего серьезные изменения в этнодемографическом отношении. Местное дворянство получало все права и преимущества российского дворянства, сохранив древние молдавские привилегии. Сохранялся ряд особых промежуточных социальных категорий между дворянством и крестьянством («бояринаши», «мазылы», «рупташи»). Вступление в силу Устава положило начало десятилетнему периоду функционирования автономной администрации области.

Создание широкой автономии в Бессарабии одним из русских вице-губернаторов области в 1823 г. объяснялось так: «...Бессарабская область, не только в сходстве с остзейскими провинциями и губерниями обратно от Польши к России присоединенными, состоит на особых правах, но, подобно Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, имеет какое-то особое политическое существование. Она лежит между трех империй и от Австрии и Турции, равно как и от России отделяется карантинными и таможенными линиями; но что более отличает ее от других наших владений, она имеет собственное свое высшее судилище. Сие судилище украшено великолепным титулом Верховного совета; оно должно состоять из мужей опытнейших сего края» (Нольде, 1911: 442).

Несмотря на последующие процессы унификации и потерю статуса особого административного региона в 1828 г., Бессарабская область все же осталась причисленной к льготным губерниям России, чем и продолжала пользоваться местное купечество.

Создание для отдельных частей государства «особых высших учреждений», по словам немецкого политолога XIX в. Георга Еллинек, создает «провинциальную систему управления... при помощи самих заинтересованных лиц» (Еллинек, 1906: 38). В 30-40-е гг. XIX в. административный аппарат в органах управления «задунайскими переселенцами» состоял как из сословий Российской империи (военных, дворян, мещан), так и из среды переселенцев (на уровне сельских и окружных приказов). Такое широкое внутреннее самоуправление в рамках территориального образования традиционно понимается как «локальная автономия», о чем замечает в своей книге о немцах Бессарабии Уте Шмидт, профессор Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина (Schmidt, 2008).

Кроме того, значительная доля управления передавалась непосредственно самим группам, которые согласно действовавшим Указам получали не только экономические льготы и социальные преференции, но и право на собственную социально-правовую регламентацию в рамках этноконфессиональных границ. Таким образом, культурные отличия не только поддерживались социально-

экономическими механизмами, но и становились их заложниками в процессе организации социального порядка и социальной инфраструктуры. Образ осваиваемого пространства как фрагментированной системы автаркийных сообществ складывался в связи с рефлексией на повседневную практику. Границы пространства региона определялись границами действия особых условий для проживающих групп. Интересным является наблюдение английского путешественника Д.М. Уоллеса, который в начале 70-х гг. XIX ст. отмечал, говоря о немецких колонистах в России: «...и хотя их родители и даже деды родились в этой стране, они воспринимают как обиду, если их называют россиянами» (Оболенская, 2003).

Важно отметить, что успех социально-экономической адаптации этнических общин был обусловлен сформированным групповым конформизмом переселенцев, оказавшихся в новом социальном пространстве, формирование которого происходило при их участии. Пространство предстает как «место», в котором реализована повседневная практика человека и группы. Ощущение «социального мира» в таких условиях могло существовать только на базе социального ресурса, которым группа обладала в момент переселения.

Принцип групповой адаптации предполагал выбор и закрепление за группой хозяйственной ниши, сохранение традиционного сектора и формы хозяйствования. Каждая из этнических групп, формируя свое жизненное пространство, адаптировалась к новым природно-географическим и социально-хозяйственным условиям: греки, армяне, евреи доминировали в торговле и ремесле; болгары и немцы – в земледелии, русские – в рыболовстве; гагаузы и молдаване – в животноводстве и т.д. Хозяйственная специализация в перспективных отраслях экономики обеспечивала успех на внутреннем и внешнем рынках, гарантировала закрепление за группой «права на присутствие/проживание», т.е. *коллективное право на жизненное пространство*, что ярко отражено в топонимике региона и иконографии. Менее чем за двести лет сформировалось групповое этнорегиональное сознание: в идентичности жителей помимо этнического компонента закрепился региональный. Это привело к появлению таких форм самосознания, как «бессарабец», «бессарабский болгарин», «бессарабский немец», «бессарабский грек», «молдавский раскольник» и др. Следует отметить устойчивость такой идентичности у групп даже после выселения из региона. Так, немцы, переселенные по соглашению между СССР и Германией в 1940 г. из Бессарабии, организовали в г. Меглингене под Штутгартом общество бессарабских немцев. Это общество считается самым активным и организованным среди современных немецких землячеств (Немцы Бессарабии. Официальный сайт общины).

Сформировавшиеся в Бессарабии этнокультурные сообщества включили в структуру своей идентичности данную территорию, в пределах которой были изначально созданы условия для самостоятельного существования большинства

из них. Этот факт демонстрирует, что пространство Бессарабии, как уникальная среда, как объект социальных процессов, приобрело собственную «глокальную биографию», которая позволяла «группе» противопоставлять себя социально-политической инфраструктуре доминирующего центра (Бек, 2001).

Политика государства в отношении колонистов и новопоселенцев менялась исходя из внешнеполитических и внутренних задач. Так, после окончания наполеоновских войн в Европе Александр I, стремясь улучшить отношения с Османской империей, пошел на урегулирование спорных проблем, что привело к ограничению социальных и правовых льгот для некоторых категорий иностранцев. Особенно это касалось тех, кто занимался заграничной торговлей и стремился сохранить преимущества двойного подданства (греки, евреи, армяне). Теперь империя «покровительствовала» только своим подданным.

По словам Алана Кросби, редактора британского журнала «Локальный историк» («The British Association for Local History»), изучая локальность, приходится учитывать явление «цепной реакции», когда то, что произошло за тысячу миль, может объяснить частный случай (Crosby, 2002). Поэтому локальность имеет смысл только при ее рассмотрении сквозь призму национального/глобального. Так, на протяжении следующих 100 лет Бессарабия семь (!) раз меняла место «прописки»: в результате Крымской войны в 1856 г. Россия потеряла часть Бессарабии и вернула ее только в 1878 г. по Берлинскому трактату. В 1862 г. было создано Румынское княжество на месте Молдавского и Валашского. В марте 1918 г. Бессарабия вошла в состав Великой Румынии на правах автономии, а в годы Второй мировой войны была включена в состав СССР, оккупирована странами Оси в июле 1940 г. и присоединена к Румынии, в августе 1944 г. вновь вошла в состав СССР и в 1991 г. в результате провозглашения независимости Украины стала частью ее территории.

Примечательно, что каждый политический центр по сути «признавал» обособленность данной территории или, по крайней мере, «особые условия», связанные с необходимостью освоения и включения ее в состав государства. В этой связи интересным документом является Рапорт исполняющего должность бессарабского гражданского губернатора г. Кишинева от 6 июня 1863 г. № 5284 на имя Его Императорского Величества г. Министра внутренних дел, № 5283, в котором говорится: «...Бессарабия пограничная область, находящаяся в исключительном положении по случаю соседства с единоплеменной (по крайней мере, для половины жителей) Молдавией... Дворянство Бессарабии не имеет исторических преданий своего сословия; оно образовалось уже после 1812 г. и состоит частью из детей и потомков тех греков, которые, в правление князей фанариотов, были главными двигателями политической жизни Молдавии, а частью из позднейших греческих пришельцев, приобретших в Бессарабии значительные имущества; представителей коренного румынского племени очень немного, да и те вышли в недавнее время из среды простого народа; из прежних боярских фамилий остается только несколько семей;

остальные затем дворяне-русские и отчасти поляки. При таком разнообразии элементов, составляющих здешнее дворянство, в среде его нет единодушия, оно дробится на партии» (Документы, 2000: 123). Эта характеристика правящей элиты вполне соответствует и современному положению дел.

Этнокультурная история Бессарабии имеет множество примеров тому, что полиэтничность как внутренний ресурс имеет значительный потенциал политической активности как в прошлом, так и в настоящем. В 1917 г. здесь была провозглашена Молдавская Демократическая Республика. В 1924 г. в Татарбунарах коммунисты-партизаны объявили создание Молдавской Советской Республики, а в 1990 г., когда Молдавия была провозглашена суверенной республикой, сразу были сформированы Приднестровская Молдавская Республика, Гагаузия и Тараклийский автономный район.

Сегодня также можно наблюдать синхронные, однако противоположные по своему смыслу социальные процессы, сопровождающие разрушение старых и создание новых государственных границ в регионе. Неустойчиво-провокационный статус Бессарабии сохраняется, о чем свидетельствуют заявления официальных лиц и СМИ. Румыния в лице президента Траяна Бэеску активно выступает за возврат «оккупированных румынских областей» – Бессарабии и Буковины. Данная риторика усилилась в связи с зимними событиями 2013–2014 гг. в Украине. На сайте еженедельника «Adevarul» 27 января прозвучало заявление, что «деятельность евромайдана и факт, что он до сих пор не уничтожен вооруженными силами Украины, – достаточное основание для вооруженного вторжения» (Adevarul, 27 января 2014 г.). Геополитическая неопределенность усиливается в связи с активной политикой Гагаузии, которая видит в Румынии угрозу своей автономии и национальной идентичности. По молдавскому законодательству, в случае исчезновения Молдовы как отдельного государства Гагаузия становится независимой и ориентированной на интеграцию в Таможенный союз, о чем свидетельствовал проведенный 2 февраля 2014 г. двойной референдум – консультативный об отношении к внешнеполитическому курсу Молдавии и законодательный об отложенном статусе независимости Гагаузии (Референдум в Гагаузии: итоги 04.02.2014). Впрочем, в этом случае ее вектор интеграции совпадает с желанием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (Указ Президента ПМР № 558 от 26 ноября 2013 г.).

Такие условия развития региона объясняют формирование и поддержание устойчивой системы локальных идентичностей, которые в силу своей «трансформности» могут обеспечивать социальный порядок и сохранять дееспособность в условиях политической неопределенности.

Локальная идентичность удобна в социально-политической практике, так как позволяет группам приспосабливаться к различным геополитическим трансформациям, не прибегая к значительным идентификационным изменениям, сохраняя неизменными основные элементы социокультурной системы.

В то же время необходимость объединять несколько культурных и национальных ориентиров, сохранять способность и возможность активизировать определенные векторы культуры в зависимости от потребности, быстро и благодаря незначительным внешним моделированиям сохранять положительную идентичность, внутреннюю комплементарность в регионе обусловила формирование множественной иерархической идентичности в рамках исторических этнических общин (греко-болгары, болгаро-гагаузы; греко-гагаузы; албанцы-болгары-гагаузы; молдаво-румыны).

Причина формирования подобного феномена объясняется несколькими моментами: общей историей переселения и близкой культурой; в момент переселения этническая идентичность уступала конфессиональной, поэтому переселенцев записывали как единоверцев, отодвигая этническую принадлежность на второй план. Например, респонденты, которые определялись как члены только «греческой» или только «болгарской» группы, в другом варианте – как члены только «болгарской» или только «гагаузской» группы, в третьем – как члены только «молдавской» и только «румынской» группы, не могли четко указать отличия между этими группами.

В результате анализа процесса конструирования региональной системы как условия пограничного статуса и практик следует выделить не только локальные культурные анклавы – отдельные этносоциальные группы, но и акцентировать внимание на способах их взаимного интегрирования, способности сосуществовать в значимых ментальных пространствах, в инкорпорированных структурах, которые определяют схемы практического действия.

Коммуникационная среда как фактор программирования социальных отношений

Неоднозначность социально-культурной идентичности в Бессарабии объясняется, в том числе, и периферийным положением в системе коммуникационных пространств исследуемых локальных групп, многовековым сохранением ряда национальных и локальных культур, границы которых никогда не соприкасались в полном объеме.

Формирование социального пространства Пограничья выражается в виде появления самотождественных знаков, системы иконографических образов, поведенческих стереотипов, которые демонстрируют наличие системы общепризнанных норм (запретов и предписаний), закрепляют новый социальный порядок, приемлемый для всех участников процесса коммуникации, включая органы власти. «Социальная инфраструктура» предстает как результат взаимодействия различных локальных групп и их приоритетов (Брубейкер, 2000). Важным элементом этого процесса является формирование региональных образов «свои» и «чужие».

Выстраиваемая коммуникационная система призвана регламентировать поведение субъектов социальных отношений и программировать развитие социальной структуры со стороны участников отношений. Коммуникационные социально-культурные системы в регионе можно выделять по различным критериям: этническому и языковому пространству, конфессиональной принадлежности, хозяйственной специализации, геополитической ориентации.

Тюркский пласт культуры региона представлен исторической географией и крупными топонимическими объектами, историей ногайского присутствия, османским влиянием и осколком этого этнического пространства – гагаузами, этносом, чей этногенез непосредственно связан с этой территорией.

Значимыми коммуникационными системами в регионе является *балканская культура* или культура *задунайских колонистов*, которые представлены группой народов, переселившихся с Балканского полуострова и демонстрирующих систему общих признаков, сформированных под влиянием культуры и социальных процессов Османской империи. Речь идет об албанцах, греках, болгарях, гагаузах.

Отдельно следует выделить ареал *греческой культуры*, который включает несколько исторических и социокультурных пластов, включая периоды греческих городов-колоний античности, византийской цивилизации, греков-фанариотов и греков-колонистов. Важно отметить, что сам процесс переселения обусловил бытование расширенной трактовки этнонима «грек» как обозначающего человека «греческой веры», что объясняло взаимопересечение и временами замещение понятий «грек» и «христианин», «балканский переселенец». Впоследствии этот факт объясняет доступность перехода с «греческой» самоидентификации на любую другую христианскую в процессе вынужденной реидентификации и депортации в середине XX в.

Романская культура представлена культурным наследием Римской империи в архитектуре, топонимике, языке. Наследниками этого культурного пласта выступают два народа: молдаване и румыны. Они воспринимаются как «коренное» население, единоверческое с переселенцами, но в отличие от последних не обладавшие статусом колонистов, а значит, не имевшие экономических и политических льгот и привилегий.

Славянская культура в регионе представлена группами украинцев, болгар, русских-никониан и русских-старообрядцев. Эта группа в социальном плане не была однородна, так как болгарское и частично старообрядческое население имело льготные статусы колонистов, а украинцы, русские-никониане относились к разряду государственных крестьян. Их переселение в регион не регулировалось и носило преимущественно стихийный характер.

В отдельную коммуникационную систему следует выделить *переселенцев-колонистов из Западной и Центральной Европы*: немцев, швейцарцев, французов.

С их появлением в регионе связывают возникновение технологичных форм земледелия, активного машиностроения, интенсивных форм землепользования.

Критерием, который во многом предопределил процесс формирования этнической карты региона, выступила религия. Большинство переселенцев рассматривали Бессарабию как территорию, где проживают «единоверцы»-христиане, что предопределяло их выбор в условиях давления ислама. Поэтому прибывавшие с территорий Османской империи албанцы, болгары, гагаузы и греки воспринимались как «свои», быстро вливаясь в единый массив христианского населения наравне с русскими, украинцами, молдаванами и румынами.

Религиозная традиция легла в основу использования экзонима «хохол» в регионе. С подачи местных старообрядческих общин здесь «хохлами» называют все православное никонианское население. Термин «хохол» в регионе не несет уничижительной коннотации, поэтому он достаточно широко на бытовом уровне используется в качестве этнонима.

Общая институциональная среда и «заданность» социального движения в пределах империй сформировала такую социально-сословную категорию, как *колонисты*. Этот статус объединил в одно социальное пространство албанцев, гагаузов, греков, русских-староверов, болгар, немцев, швейцарцев. Эта группа не обладает общей этнокультурной основой, но ее развитие имеет строгий алгоритм, который проявляется в динамике политико-правового статуса и социально-экономических возможностях группы на протяжении двух столетий.

Исходя из многоукладности регионального развития в Бессарабии, как коммуникационное пространство следует выделить этнохозяйственные ниши, которые формируют сложную систему и механизм распределения жизненных ресурсов (материальных, социальных, символических, информационных). Так, к сельскому населению, основой хозяйствования которого выступает земледелие, животноводство и огородничество, обычно относят молдаван, гагаузов, татар, болгар, албанцев, русских, украинцев. Городской среде свойственен преимущественно космополитический, этнически и конфессионально разнородный состав. Тем не менее преимущественно городскими жителями, которые обеспечивали торговую инфраструктуру городов, были евреи, армяне, греки, итальянцы и, конечно, народы, чьи политические центры выступали претендентами на данное пространство – русские, украинцы, турки, румыны.

Взаимопересечение коммуникационных пространств было усилено практиками языковой ассимиляции, которые применялись в регионе в разные исторические периоды разными политическими центрами. В качестве региональных языков с публичным статусом были представлены греческий, турецкий, русский, румынский, украинский. Доступными для регионального межкультурного общения сегодня являются последние три, причем каждый из них представлен как язык межкультурного общения в пределах разных поколений.

Функциональные полиглотные ситуации для региона – норма, так как позволяют легко манипулировать социально-коммуникационными пространствами с помощью языка. С конца XIX в. в регионе становится заметен массовый билингвизм, который был обусловлен спецификой политической и социально-культурной истории. Диглотные ситуации были различны по происхождению: билингвизм мог усваиваться с рождения (владение языками обоих родителей); мог являться результатом интерференции языков вследствие смешанного расселения носителей языков (территориальное двуязычие); мог быть социально обусловлен (вынужденное овладение двумя языками или прагматически-обусловленные знания, которые получены в результате обучения) и др. (Коч, 2008).

Манипулирование языковыми пространствами является прерогативой не только отдельных индивидов в практике общений, но и результативным способом проводить политико-культурные границы. Если раньше с помощью языка и образования реализовывались ассимиляционные практики, то сегодня в этот процесс вовлечены системы письма. Так, в последние годы на латиницу были переведены молдавское и гагаузское письмо, при этом манифестационным актом стало сохранение кириллицы для молдавского языка в Приднестровье.

Демонстрация пространства образов дает возможность не только концептуализировать группу в пространстве региона (Замятин, 2006; Соловьева, 2009), но и формирует «образ» пространства как рефлексивную систему, которая, по определению Германа Люббе, является носителем оригинальной идентичности (Люббе, 1994). Благодаря локальным историям системы приобретают индивидуальный характер, идентичность. Важно, что каждое коммуникационное пространство предполагает наличие своего «центра» и «периферии», порождает сетевые структуры (от землячеств до транснациональных систем), которые основаны на специфических связях (каналах информации и семиотических системах), объединяющих участников. Важнейшая задача таких иконографических знаков (Ж. Готман) и симулякров (Ж. Бодийяр) – в демонстрации групповой солидарности и присутствия в социальном пространстве региона.

Тем не менее культурный ландшафт Бессарабии – это общий мир, который каждый болгарин, молдаван, русский, румын, украинец или албанец считает «своим» вне зависимости от политических границ. Политические границы между Украиной, Молдовой, Румынией, Приднестровьем воспринимаются скорее как помеха в функционировании общего социального пространства.

Социальные стратегии групп Пограничья всегда направлены на поддержание позитивной идентичности, которая выступает убедительным аргументом в пользу дальнейшей консолидации и поддержания социально-культурной границы. Мифологизация «пережитого», формирование локально-группового и регионального хронотопа позволяют не только «концептуализировать» группу

в пространстве региона, но и создавать механизмы, способные аргументировать ее социальную дееспособность. Здесь реальность предопределяется сформированным конформизмом, «чувством социального мира», которое выступает в качестве символической власти в виде социального ресурса, традиционно закрепленного за группой. Место и роль субъекта в этом пространстве предопределяет экономический капитал, который может выступать в разных видах, таких как культурный, социальный и символический капитал. Так конструирование «мифологем» на темы переселения, вклада в процесс освоения региона, культурного и социального меценатства дает возможность интерпретировать региональную историю в пользу группы.

Распространенной практикой в регионе сегодня является организация юбилейных Храмовых праздников в честь основания села. Стало традицией издание к таким юбилеям популярных монографий, в которых описана не только история основания, но и особенности культурно-бытового комплекса групп (Кубей и кубейци: бит и култура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одеска област, 2002; Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области, 2003; Карячка – Мирное: очерки истории прошлого и традицій, 2007; Нариси з історії села Красносілка (Гільдендорф) на Одещині. 200-річчя села присвячується, 2007; Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии, 2003).

Рефлексия этнических общин во многом порождает активность научной среды по изучению и популяризации истории отдельных народов. Так, имеется целая серия научных регулярных форумов и изданий, которые посвящены этнической истории народов Одессы и области: проводятся регулярные международные конференции «Одесса и еврейская цивилизация», «Греки Северного Причерноморья», «Болгары Северного Причерноморья»; издаются научные монографии, посвященные отдельным этнокультурным группам региона: русским старообрядцам (Пригарин, 2010), болгарам (Киссе, 2006), гагаузам (Шабашов, 2002) и др.

Социальная действительность становится результатом конструирования как со стороны агентов, существующих объективно в результате распределения жизненных ресурсов (материальных, символических, информационных и др.), так и со стороны представлений людей о социальных структурах и окружающем мире в целом. Последние предопределяют принцип «двойного структурирования», который реализуется в любом практическом действии между структурами и практиками первичных и инкорпорированных структур. Социальные отношения, реализованные в «практических схемах» региона, обуславливают воспроизводство породивших их объективных структур в моделях социальной адаптации (Коч, 2011) и социокультурной презентации (Коч, 2013). «Опыт пространства» как основа его структуры и «символической системы» закладывает

условия развития для участников или частей данной системы, превращает пространство региона в субъект социально-культурных отношений (Бурдье, 1994; 2007).

Так, повседневная культура Бессарабии предполагает принадлежность ее носителей к узнаваемым (традиционным) группам, что обуславливает сознательную демонстрацию причастности к этнокультурным или конфессиональным сообществам. Каждое из них «удерживает» часть социального пространства, в пределах которого и функционирует.

Такие социально-культурные «узнаваемые» пространства в регионе «закрепили» за собой немецкая, греческая, еврейская, болгарская, польская и другие общины. Эта целая система этнографических и сакральных объектов, которые сегодня позволяют не только сохранять социальные практики отдельных групп, развивать этнографический туризм в Бессарабии (например, действуют маршруты, которые знакомят с культурой старообрядчества, этнографическими объектами в молдавских, болгарских и бывших немецких селах), но и выступать как группы социально-политического давления (например, требования реализации языкового закона 2013 г.). Популярными этнические общины ориентированы на закрепление в ландшафте городов и сел «мест памяти», мемориальных комплексов, которые в исторической перспективе позволят группам укреплять свое присутствие в регионе.

В условиях маргинальной социально-политической среды региона этническая культура стала значимым элементом конструирования социального пространства. Символы не только фиксируют социальную реальность, но и выступают как инструменты «социальной интеграции» (источники познания, самопрезентации и общения), они делают возможным консенсус в социальных отношениях. Производство и продвижение «своих» образов социальной реальности в качестве активных и дееспособных выступает со стороны этнокультурных групп как деятельность социально-политического характера, деятельность полноценных субъектов в региональном пространстве.

Структурно-функциональный анализ коммуникационных систем региона дает возможность зафиксировать превращение пространственной системы в систему символов, программ восприятия и публичных действий. Каждая «иконографическая» система как результат «опыта пространства» порождает (допускает) различные формы институализации, «участия» групп, механизмы презентации групповых интересов.

Все этнические сообщества региона не только демонстрируют уникальную способность адаптироваться, «встраиваться» в социальную систему, становясь ее «звеном» и предопределяя статус своих членов, но и транслировать сложившуюся модель социальных отношений, сохраняя за регионом статус маргинальной социальной среды с устойчивой политической периферийностью и анклавностью этнокультурного расселения.

Литература

- Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; общ. ред. и послесловие А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: документы и материалы. М.: Индик, 1996. 380 с.
- Бессарабия. Графический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / под ред. П.А. Крушеван. М.: Изд. газеты «Бессарабец», 1903.
- Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.
- Бурдые, П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
- В Румынии раздаются призывы воспользоваться ситуацией в Украине для возврата «своих» территорий / Мультимедийное информационное агентство OMEGA 25.01.2014 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://omg.md/ru/114390/>.
- Визит вице-премьер-министра Турции 21.09.2013 // Народное собрание Гагаузии. Официальный сайт. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.halktoplusu.com/index.php/glavnaia/novosti/296-vizit-vitse-premer-ministra-turtsii>.
- Джерела історії Південної Бессарабії (з давніх часів до кінця ХІХ ст.) / упорядники О.М. Лебеденко, Л.Ф. Циганенко та інші; відп. упорядник Н.О. Гончарова. Ізмаїл: РВВ ІДГУ, 2013. 191 с.
- Документи по национальному движению в Бессарабии 1812–1917 // Negru, G. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000. P. 119–193, 123. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://dacoromania.net/article/>.
- Еллинек, Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб.: Голос, 1906. 48 с.
- Замятин, Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. 1998. № 6. С. 35–46.
- Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
- Замятин, Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- И.А. Каподистрия – А.Н. Бахметьеву 4.06.1816 г. // История Молдавии: документы и материалы / под ред. К.Р. Крыжановской и Е.М. Руссева. Кишинев, 1957. Т. 2.
- Карастоянов, С. Особенности на съвременното политикогеографско положение на балканските страни // Карастоянов С. Балканите. Политикогеографски анализи. София, 2002. 144 с.
- Карячка – Мирное: очерки истории прошлого и традиций / Агафонова Т.А. и др. В серии: Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 4. Одесса, 2007. 195 с.
- Киссе, А. Возрождение болгар Украины. Одесса: Optimum, 2006. С. 93–94.
- Коч, С.В. Динаміка етномовної ситуації на території Півдня Бессарабії у ХVІІІ–ХХ ст. // Європейська Хартія регіональних мов або мов меншин: перспективи реалізації в Україні. Одеса: Друкарський дім, 2008. С.145–157.

- Коч, С.В. Механизм социальной презентации диаспор: этнические лобби и группы давления (на примере Одесской области) // Постфактум: историко-антропологічні студії. Етнічне, соціальне, політичне: перехрестя просторів. Одеса, 2013. № 3 С. 31–46.
- Коч, С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых» диаспор юго-западного региона Украины) // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: сб. науч. трудов / ред.-сост. М.А. Араджиони, И.В. Брунова-Калисецкая. Крымское отделение Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины. К.: ЧП «Золоті Ворота», 2011. С. 61–71.
- Коч, С.В., Узун, Ю.В. Диаспоры юга Украины в системе региональных геополитических отношений // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. Збірник наукових праць. Вип. 4. Одеса, 2012. С. 139–148.
- Кубей и кубейци: бит и культура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одеска област / Т.А. Агафонова, А.И. Ганчев, А.А. Пригарин, Т.В. Тхоржевская; отг. ред. З.Т. Барболова. Одеса: Маяк, 2002. 88 с.
- Куракова, К. Мегалополис XXI века никогда не остановится в росте / К. Куракова // Проект Россия. 2003. № 4. С. 21–24.
- Люббе, Г. Историческая идентичность / пер. Н.С. Плотникова // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–113.
- Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах». 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XVI. 1830. С. 313–316.
- Маркова, О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78.
- Местные законы Бессарабии: полный систематический сборник местных бессарабских законов Арменопула, Донича, Соборной Грамоты Маврокордато и ручной книги о браках, с позднейшими узаконениями и разъяснениями / сост. С.М. Гроссмана. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1904 г. 447 с.
- Милерюс, Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований: сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 37–63.
- Михайлов, В.Т. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 140–152.
- Мустафа, А. Турецкие документы об истории Румынии, 1791–1821. Бухарест, 1986. 293 с.
- Нариси з історії села Красносілка (Гільдендорф) на Одещині. 200-річчя села присвячується. Одеса: вид-во КП ОМД, 2007. 170 с.
- Немцы Бессарабии. Официальный сайт общины. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.bessarabien.de/index.php>.
- Нольде, Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. 554 с.
- Оболенская, С. «Свои» и «чужие». Германия и немцы в глазах русских образованных людей в XIX веке. 2003 // Электронный журнал «Самиздат». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/22.shtml.
- Оганян, Л.Н. Декабрист А.О. Корнилович и его проекты развития Сибири и Бессарабии // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 67.

- Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии: сборник статей. Одесса, 1998. 263 с.
- Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии: сборник. Одесса, 2003. 748 с.
- Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области / Т.А. Агафонова, А.И. Ганчев, Г.Н. Захарченко, Л.Д. Николова, А.А. Пригарин, Н.И. Серебрянникова, В.М. Шевченко // Одеска българистика. 2003. № 1. С. 6–70.
- Паламарчук, С.В. Територіальні структури Дунай-Дністровського межиріччя (кінець XIV – середина XVII ст.): дис ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Одеський національний ун-т ім. І.І. Мечникова. О., 2005.
- Плачков, И. Бессарабское экономическое чудо. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://bessarabiainform.com/2012/07/ivan-plachkov-bessarabskoe-ekonomicheskoe-chudo/#ixzz2sqjzduC>.
- Положения о поселении и устройстве в Одессе и окрестностях переселенцев из Архипелага и других зарубежных мест, представленные графом П.А. Зубовым и утвержденные императрицей Екатериной II от 19.04.1795 г. // РГАДА, ф. 16, д. 966. Ч. 1, л. 295–298 об. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://archive.odessa.gov.ua/vistavki/mzhnarodna-vistavka-arhivnih-dokumentv-odesa-napriknc-xviii-na-pochatku-hh-storch/odessa-v-konce-xviii-nachale-xx-vekov-vystavka-on-lajn-unikalnyh-arhivnyh-dokumentov/dokumenty-rossijskogo-gosudarstvennogo-arhiva-drevnih-aktov/#rgada_06.
- Пригарин, А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно-конфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова [монография]; отв. ред. О.Б. Демин. Одесса; Измаил; М.: «Смил»; «Археодоксія», 2010. 528 с.
- Референдум в Гагаузии: итоги 04.02.2014 г. // Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.cis-emo.net/ru/news/referendum-v-gagauzii-itogi>.
- Соловьева, А. Модели концептуализации этнических субкультур в глобально/локальном контексте; диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. М., 2009. 319 с.
- Сосса, Р.І. Картографування території України. К.: Либідь, 2007. 336 с.
- Таки, В. Историческая память и конструирование региона после присоединения к империи: особая форма правления в Бессарабии в 1818– 1828 гг. // Abimperio. 2004. № 3. С. 145–174.
- Тесля, А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX веков. (Розд. Бессарабское право): монография. Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. 167 с.
- Узун, Ю. Румынский унионизм как фактор «внутренней» и «внешней» геополитики: к проблеме государственного управления региональным развитием // Постфактум: историко-антропологичні студії. 2013. № 3. С. 47–56.
- Указ Президента ПМР № 558 «Об утверждении Государственной стратегии экономической безопасности Приднестровской Молдавской Республики» от 26.11.2013 г. // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://president.gospmr.ru/ru/news/ukaz-prezidenta-pmr-no558-ob-utverzhdanii-gosudarstvennoy-strategii-ekonomicheskoy-bezopasnosti>.

- Устав о колониях иностранцев в империи // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XII. Ч. II.
- Устав образования Бессарабской Области от 29.04 1818 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 35. 1818. СПб., 1830. С. 222–227.
- Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология: сборник статей. Кишинев; Одесса, 2008. 164 с. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://common.regnum.ru/documents/moldova-foundation.pdf>.
- Челеби, Э. Книга путешествия: (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 338 с.
- Чичагов П.В. – Александру I 6-го августа 1812-го года, Фошканы // Сборник Русского исторического общества. 1871. Т. 6. С. 28–29.
- Шабашов, А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. 740 с.
- Шевалье, П. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, крапну, звичаї, спосіб правління та релігію; другою розвідкою про перекопських татар / пер. с франц. Ю. Назаренко вид. 1663 р. К.: Томіріс, 1993. 224 с.
- Эйзенштадт, Ш. Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 176–180.
- Crosby, A. The Local Historian. 2002. Vol. 32. № 2. May. [Электронный ресурс.] Режим доступа: [http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_copy\(2\).html](http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_copy(2).html).
- Gottmann, J. The Political Partitioning of Our World: an Attempt at Analysis // World Politics. 1952. № 4. P. 512–519.
- Jorga, N. Studii istorice asupra Chiliei și Cetații Albe. București, 1899. 223 p.
- Lefebvre's, H. The Production of Space. And do you know what «the world» is to me. Donald Nicholson-Smith Blackwell. Oxford, 1991. 454 p.
- Schmidt, U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam, 2008. 420 s. The British Association for Local History. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.balh.co.uk.
- Adevarul. 12 января 2014 г.: сайт еженедельника. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://adevarul.ro/news/>.